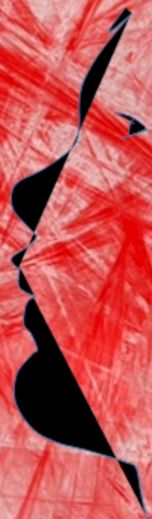

Даниил Гарбушев

Ф У Л Л

Книга - 1

16+

Даниил Сергеевич Гарбушев

Фулл. Книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63864606

SelfPub; 2021

Аннотация

Жизнь вновь преподносит сюрприз. В этот раз Вячеславу, новоиспечённому писателю, человеку скромному, вышедшему из простых и не богатых людей. Но чем обернётся его успех? Предательством самых близких друзей? Или потерей самого дорого человека на свете? Какие невообразимые подробности его успеха, должны вскоре открыться перед ним? Какие страдания может испытывать светская девушка или молодая успешная актриса в своём, как кажется с первого взгляда, беззаботном обществе? Вопросов много, и как всегда ничего не понятно, всё запутанно!

Книга первая.

Содержание

Глава 1. «Хуже смерти»	4
Глава 2. «Конец весны»	12
Глава 3. «Утро после грозы»	16
Глава 4. «Хорошие вести»	18
Глава 5. «Вопрос чести»	24
Глава 6. «Кот в мешке»	28
Глава 7. «Предательство»	32
Глава 8. «Святое молчание»	35
Глава 9. «Эх, Глаша»	39
Глава 10. «Завещание»	49
Глава 11. «Гладиатор»	59
Глава 12. «Отъезд в неизвестность»	68

Даниил Гарбушев

Фулл. Книга 1

Intelligency – August

Глава 1. «Хуже смерти»

В дверь квартиры неожиданно позвонили. Все тут же переглянулись, мысленно рассуждая, что больше никто никого не ждёт. Лиза пошла открывать дверь, и уже через минуту вернулась в зал, уже со Славой.

– Всем привет, – протянул он радостно, обращаясь ко всем присутствующим.

Все молчали, застыв как каменные статуи. Даже мимика их лиц, казалось даже не застыла, а немного обвисла на своём недавнем месте.

Вячеслав немного постаял на месте и растерянно переглянувшись, присел на ближайшее свободное место.

– А чего это все молчат, что-то случилось? – спросил он, набираясь смелости, и уже потихоньку теряя былую растерянность.

– Да нет, что ты! – произнесла громко Лиза, как бы взывая всех к возобновлению шума, и все вновь разговорились.

– Кто его пригласил? – спросил Сурен, так тихо, чтобы его

не услышал Слава.

– Да не кто! – ответила Лера.

– Я пригласила, – тихо произнесла Роза, как раз в тот момент, когда мимо неё проходил Вова, идущий на кухню.

– Ты что? – медленно затормозив, двигаясь при этом как мумия, спросил её шипящим голосом Вова, немного наклонившись к ней своим лицом, – хочешь, чтобы нас тут всех от церкви отлучили?

– Нет, просто мало лишь болтать, чтобы во всём разобраться, – чётко, но одновременно теряясь от нахлынувшего чувства неуверенности, ответила Роза, сказав тем самым поистине светлую мысль, на что Вова лишь переглянулся с Суреном и Ильёй, и не найдя что ответить, вышел в коридор.

– Пойдём, – сказал Сурен Илюхе, слегка толкнув его своей рукой, и уже через мгновение они втроём были в коридоре.

– Короче, надо как-то спросить, – предложил Илья.

– Здесь неудобно! – протвердил Вова.

– Ну тогда где? – взъерепенился Илья.

– Ну знаешь, – протянул Сурен, мельком глянув в сторону двери, чтобы убедиться что их не слышит Слава, – можно на улицу его позвать, подышать воздухом, так сказать.

– Можно, а чё думаешь, сработает? – спросил Вова, вытянув свою длинную худую шею, из-за чего отдалённо напоминал индюка.

– Может и сработает, – предположил Илья, – ясно только одно, так просто это оставлять нельзя. Если кто-нибудь из

Пасторов узнают, что мы принимали его в своём обществе, несдобровать никому!

– Короче, я зову? – спросил Сурен.

– А каким образом? – уточнил растерянно Илья.

– Смотри и учись, – сказал Сурен, размяв плечи и шею.

– Только тихо! – шепнул ему Вова, на что тот совсем не обратил внимания.

– Слав, – позвал того Сурен присвистнув, высунувшись на половину из дверного проёма, и дружески улыбаясь.

– Я? – как-то удивлённо спросил он, и встав со своего места пошёл к выходу.

– Да, ты, – сказал ему Сурен, когда тот уже почти вышел из зала, легонько выволочив его в коридор, после чего дверь в зал наглухо захлопнулась.

Следующая сцена не желала быть лучше или хуже, она просто была, неумолимо происходила, сияя напрасным варварством, так и пышущим из глаз всех трёх Славиных товарищей. Вова, Илья и Сурен окружили Славу, как гопники, из-за чего тот не мог сдвинуться и с места.

– Что случилось ребят? – всё также добродушно спросил Слава.

– А ты сам ничего не хочешь нам сказать? – спросил Сурен, являющийся самым здоровенным и высоким из присутствующих парней.

– О чём вы вообще? – как-то замучено спросил Слава, пытаясь вернуться в зал.

– Да так, ни о чём, – произнёс загадочно Владимир, вместе с Суреном преградив ему путь.

– Знаешь, пойдём лучше воздухом подышим, ради такого разговора, – дружелюбно сказал Илья, подойдя сзади и положив на его плечо свою руку.

– Ладно, – согласился Слава, совсем не понимая, что здесь всё-таки происходит, и принялся обуваться.

Между тем ребята тоже начали судорожно быстро обуваться, и буквально вытолкали Славу из квартиры. Когда дверь в квартиру за ними захлопнулась, в коридор вышла Лиза, и тут же вернувшись в зал, с ужасом произнесла: «Они ушли!». Все оставшиеся в квартире тут же ринулись обуваться, исчезая в темноте квартирному тамбура один за другим.

– Нет, я всё-таки не пойму, о чём вы со мной хотите поговорить? – пытался спросить ребят Слава, когда они уже подходили ко второму этажу.

– Ты иди, не останавливайся, – говорил Сурен, сильно подталкивая его вперёд, из-за чего тот чуть ли не летел с лестницы, почти падая.

Проскочив тёмный первый этаж, четверо ребят вышли на вечернюю улицу, громко хлопнув магнитной дверью подъезда. Слава спустился с высокой придверной плиты, и немного споткнувшись, пронёсся вперёд, пытаясь не упасть. Ребята подумали, что он убегает, и рванули за ним, но тут же остановившись, так как Слава тоже остановился, сумев сбалансировать.

– Ну что? – развернувшись к ним, спросил Слава.

– Это ты нам скажи, как ты до такого докатился? – наехал на него Вова.

– Да о чем вы вообще наконец?

– Не понимаешь, да? – спросил Сурен недовольно, и схватив Славу за воротник, проорал ему в ухо, – к проститутке этой хреновой ты зачем ходил?

– К какой ещё проститутке? – косясь, и еле как отделавшись от него, держась за своё левое ухо, спросил Слава.

– Эх, – тяжело вздохнул Вова, схватив его за грудки, – Эльвира! Эльвира! Ты тварь такая, трахаешься с проституткой, и ещё имеешь совесть приходить к нам и к девчонкам.

– Да не было ничего такого, – пытался оправдаться Слава, – да и не проститутка она вовсе, я ей помогал...

– Лужу выдавить ты ей помогал, или она тебе помогала девственности лишиться? – орал Вова перебив и совсем не дав ответить, всё также тряся его за грудки.

Вдруг из подъезда вышли все остальные.

– Вов, успокойся, – просил его Илья, пытаясь разорвать его мёртвую хватку.

– И кто вам вообще такое сказал? – поинтересовался Слава, кое-как отпихнув от себя Вову, не заметив как следом большинство подошедших встали вокруг него плотным кольцом.

– Толя, ну ты знаешь, живёт тут недалеко, – ответила за всех Лера.

– И что, слушайте вы их больше, мало ли что он сказал, клянусь, ничего не было, да я и знать не знал что она проститутка!

– Вот видишь, врёт, – уверенно сказал Сурен, подойдя сзади, резко и крепко зажав Славины плечи, своими сильными здоровенными руками, – ведь сказано: «Не клянись ни небом, ни землёй», а ты клянёшься, значит всё-таки Толян, нам про тебя правду молвил.

– Ну конечно же не правду. Был я у неё, но совсем по другому поводу.

– А он ещё сказал, что видел вас в постели! – произнесла Полина, как бы для провокации, для проверки, чтобы Слава сразу бы опроверг её слова.

К удивлению Полины никто даже не взбеленился против сказанного ей, кроме Славы.

– Почему? – заорал Слава, от чего толпа расступилась, – почему вы верите ему, а не мне? Кто он вам? Это же я ваш друг, я вам ближе! Стал бы я вас обманывать, заранее зная, что вы всё равно, рано или поздно, узнаете правду?

И как только договорил он, Илья тут же подошёл к Славе, и со всей злостью щёлкнул его своей рукой по левому уху, о чего тот тут же повалился на асфальт. Не долго думая, трое ребят принялись отпинывать своего рухнувшего товарища.

– Ребята, что вы делаете? – прокричала, со страшным воплем, кто-то из девчат, ринувшись с остальными спасать Славу.

Но не тут-то было. Свободные ребята тут же подхватили их за животы, и уволокли за угол дома.

– Стойте блин здесь, и никуда блин не суйтесь, без вас разбёрёмся, – бросил им Тимофей, как бы отгоняя и прогоняя, когда они уже были в зрительной недосыгаемости от Славы.

Девчата в замешательстве застыли на месте, не в силах даже пошевелиться. А месиво тем временем продолжалось. Слава лишь прикрывал лицо локтями, уже не надеясь ни на что в своей жизни, кроме как на Бога, тихо молясь: «О Господи, о Господи, не дай умереть от рук друзей, коли я не умер когда-то от рук врагов. О Господи, о Господи, помоги Господи, Господи». Пока они пинали его, Сурен частенько подходил поближе к Славиному лицу, и крепко хлопал его по открытой части щеки, чтобы тот не потерял сознание.

На всю улицу, со стороны дороги, прозвучала сирена. Это была совсем непричастная к избиению скорая помощь, проехавшая далеко от того места, где лежал Слава. Но резкий визг её, взбудоражил ребят, напугав их до полусмерти, из-за чего все тут же бросились бежать.

И как же быстро помчали они, каждый на своих двоих, сквозь всю автомобильную стоянку, как метущиеся души демонов, скрывающиеся от божьей благодати, излитой самым первым лучиком солнца, ложащегося на землю с приходом утра.

Кто-то зацепился ногой об оградку палисадника, кто-то больно ударился об бордюр, не успев вовремя его перешаг-

нуть, но все как бы то ни было достигли угла дома, оббежав его и встретившись лицом к лицу с девчонками, сбив их с ног.

Девушки, поддавшись панике убежавших товарищей, ушли вместе с ними, а Слава так и продолжил лежать среди улицы, весь в кровяных подтёках, и грязных следах на одежде. Убрав с лица руки, он пощупал его, пытаясь понять, не сломана ли челюсть.

– Спасибо Господи, спасибо! Умер бы так, ты спас, спасибо, о Господи, – взмолил он к небу, запрокинув голову.

Глава 2. «Конец весны»

Вечер последнего весеннего дня, пришёлся жарким и раздрающе душным. Как только солнце скрылось за горизонтом, по улице прошёл самый настоящий ливень, обильно выпрыснувший все недожатые маем осадки.

Как только дождь стих, из ближайшего винно-водочного вышел продавец, молодой человек, лет восемнадцати, чуть ниже среднего роста, с белобрысой как пшеничная солома башкой, и широкой как радуга улыбкой. Неподалёку, по дворовой проезжей части промчался чёрный автомобиль, расплескивающий вокруг себя огромную лужу, ставшую на пути, закидывая капли грязной воды на предмагазинную плиточную дорожку.

– Идиот, – недовольно произнёс молодой человек, затягивая свою сигарету, уже за углом.

Скурив её одной резкой затяжкой, и швырнув бычок в ту же самую лужу, с ещё рябящей водой, он мигом заскочил в свой магазин, дрожа от лёгкого ветерка, резко хлынувшего на улицу в этот самый момент. Окурок не потух мигом, а ещё немного потлел, даже слегка разгорелся, всё ещё держась на плаву в беспокойной воде. Мятый фильтр вспыхнул ярким пламенем, и вскоре впитав немного влаги, пошёл на дно, под уже почти утихшую гладь тёмной воды.

– Ты чё, одно затяжкой? – спросил Слава Никиту, который

уже аккуратно надевал на своё лицо защитную медицинскую маску.

– Ну да, а чё?

– Да так, ничего, просто быстро вы курите, что ты, что Лёша, одной затяжкой и готово. Мне то что, мне не понять, я не курю.

– Ну да, это точно, тебе не понять, – подметил Никита, проходя за кассовую стойку, – вот только вот мне не понять другого, как ты можешь игнорировать такие святые вещи...

Не успел он договорить, как на весь магазин раздался взрыв, скорее даже взрывная волна, повалив обоих сотрудников на пол.

Слава стал приходить в себя спустя лишь полминуты, и то, будто бы заставляя себя открыть глаза, и шевелиться. Голова кружилась, а в глазах сверкали искры. Оглушительный рёв и писк пожарной сигнализации бил по Славиным ушам, что и так были забиты недавним взрывом.

Ещё не до конца придя в себя, Слава принялся искать глазами Никиту, тут же обнаружил его рядом с собой, почти всего заваленного коробками чая и конфет. Закрывая одно ухо рукой, а другое плечом, Слава тут же выгреб из под завалов Никиту, что был уже без сознания, весь в шампанском, с большим синяком на лбу. Слава немножко подтянул его к себе, как за его спиной со стеллажа упала большая пузатая коньячная бутылка, ударившаяся об пол и разбившаяся с громким дребезгом. Разлившийся коньяк тут же воспламе-

нился, заблокировав выход из кассовой стойки.

Слава лишь мельком, боковым зрением заметив пламя, аккуратно схватил Никиту, и еле как передвигаясь сам, перевалил того через кассовую стойку в сторону выхода. Огонь перекинулся на коробки, под которыми только что лежал Никита, и уже почти не обращая на это внимания, теперь уже сам Слава перелез через стойку, зацепившись об никому не нужный монитор. Ползком добравшись до двери, Слава с трудом открыл её, подперев встроенным фиксатором. Затем он вытянул Никиту на улицу, таща его по полу за обе руки. Но на складе оставалась ещё Ира, совсем неизвестно живая ещё или нет.

Когда Слава вновь зашёл в магазин, ему предстало ещё более ужасное зрелище. Пожар распространился повсюду. Потолочная плитка, загоревшись жёлтым пламенем, летела вниз, ударяясь об пол, и распыляя вокруг свои пылающие искры, похожие на капли лавы. Бутылки с крепким алкоголем, начали зажигаться, как коктейли Молотова, вспыхивая с горлышка, и выплёвывая свои крышки, бросаясь со стеллажей вниз.

Слава схватил бутылку воды лежавшую на полу, и смочив её свою маску взял в руки огнетушитель. Дорогу на склад заволокло огнем, и как только Слава собрался тушить её, то вдруг заметил, как из под складской двери высунулась рука Иры, обессилено упав на ещё не объятую огнём плитку. Закутавшись в собственный жилет, Слава направил струю ог-

нетушителя в сторону Иры, и вскоре проложил к ней путь из покрытой порошком тропинки. Выбросив огнетушитель из рук, он ринулся к ней, и крепко схватив за руку, одним усилием выволок Иру на улицу.

Что было дальше, Слава уже не мог различить, хоть ему и удалось ненадолго придти в себя. В тот момент к ним, обесиленным, лежащим на плитке сотрудникам магазина, подъехала скорая помощь. Суматоха переливающихся повсюду огней машин прибывших служб пожарных и скорой помощи, покрылась кислородной маской, после чего Слава вновь потерял сознание.

Глава 3. «Утро после грозы»

– Доброе утро, – произнёс кто-то.

– Доброе, – ответил Слава, не открывая глаз, ощущая всем своим телом, мягкое больничное одеяло.

– Как себя чувствуете?

– Что со мной? – спросил Слава, приоткрыв глаза, увидев моющего свои руки врача, с плотно намотанной на лицо защитной маской, – коронавирус?

– Нет, с чего вы взяли? – расхохотался врач, – вы что, ничего не помните?

– Да помню, даже не знаю, почему вдруг подумал об этом.

– Конечно, – сказал врач, подойдя к Славе, и похлопал его по плечу, – вам коронавирус не к чему, таких как вы и так мало на свете.

– Тсс, – зашипел Слава от боли.

– Правильно зашипели, потому что у вас там ожог, вы конечно об этом не знаете, а он у вас есть...

– Что с...?

– Всё в порядке, живы, красивы. Друг ваш ничего не помнит. Ира недавно пришла в себя. За такое вас и к награде...

– Нет, не надо к награде, – перебил его Слава, – я знаю, что спас их, но об этом, пусть никто, слышите, никто не должен знать. Даже она.

– Кто она, вы о ком?

– Неважно, я не про Иру. А Никита, так, не друг, лишь сотрудник.

– Ладно, как скажите. Так и быть соглашусь с вами, но всё же вы своего стоите.

Глава 4. «Хорошие вести»

«Ну почему, скажите, почему, мне так всегда хочется лето среди зимы, то зиму среди лета», – думал Слава, пока за окном горел жаркий сибирский июнь, аномально разбушевавшийся в этом году.

В палату постучали, и тут же следом зашли врач и мужчина, лет сорока, в тёмном классическом костюме, с накинутым поверх халатом и маской.

– Здравствуйте Вячеслав Александрович! – поприветствовал его тот мужчина.

– Здравствуйте, – очень удивлённо ответил Слава.

– Ну по сути вы уже выписаны, и можете быть свободны, ну раз вы вместе, я тогда вас оставлю, только не задерживайтесь, скоро у нас дезинфекция, – сказал врач и вышел из палаты.

– Чем обязан? – спросил Вячеслав у своего гостя, пока тот сидел на стул, стоявший напротив его кровати.

– Вы присаживайтесь, присаживайтесь. Дело в том, что не вы, а я вам в кое-чём обязан, точнее меня послали к вам, по поводу одного дела, – сказал незнакомец, приспустив со своего лица маску, – меня зовут Лаврентий Мефодьевич Гришин, это вам мало о чём скажет, но всё же надеюсь, что нам с вами ещё предстоит поработать.

– Поясните, неужели вы по поводу пожара?

– Нет, совсем нет! Я являюсь представителем Московского издательского дома «А. В. С. Russian Litera». Как известно, полгода назад вы отправляли нам свою рукопись.

– Помпеи двадцать первого века!?! – взбудоражено произнёс Вячеслав.

– Да, именно по поводу этой книги я к вам и приехал. На прошлой неделе руководство «А. В. С. Russian Litera» посоветовалось, и хотело бы с вами заключить договор о дальнейшем сотрудничестве.

– То есть эта книга заинтересовала вас лишь полгода спустя?

– Ну вы же сами прекрасно понимаете, что к нам поступает очень много материала, среди которого целая масса мусора и детского лепета. И все, абсолютно каждая единица всей этой нескончаемой кутерьмы, обладает, не то слово, каким пафосным и помпезным названием.

– Понимаю, не сладко у вас там.

– Поэтому, сразу же, как мы дошли до вашей книги, тут же направились на ваши поиски. Кстати, к вам ещё никто не приезжал из других издательств?

– Нет, из издательств не приезжали. Но у меня тоже есть к вам вопрос, и прошу ответить на него честно. То что вы обратили внимание на меня и мою книгу, как-то связано с событиями произошедшими со мной две недели назад?

– Признаюсь честно, отчасти! Один из наших редакторов, которому доверили вашу книгу, услышала новость о вашем

подвиге. Хотя ваши персоналии не указывались в СМИ, слухи дошли до неё, что это именно вы. Сопоставив все факты, она всё же отправила ваше произведение на рассмотрение уже состоявшегося в тот момент жюри, в целом, даже не скрепя душой оценившего ваше произведение как истинный шедевр.

– Значит, мне повезло. Просто напросто повезло, и искусство с гениальностью здесь не причём.

– Вам несказанно повезло! А гениальность, искусство, все те послы и правильные мысли, что вы вложили в эту книгу, не дело верховного жури. Это задача мира, читателей, они должны оценить вас, понять, может как-то измениться...

– Я не для этого пишу свои книги, – перебил его Слава.

– Простите, тогда для чего?

– Не для того, чтобы изменить мир. Я пишу их, чтобы познакомить мир с его отражением, со всем его отражением, со всей этой отвратительной хренью, что он с собой сделал, и продолжает делать. И только тогда, когда он узрит это, только тогда он будет готов меняться.

– Я всё понимаю. Концептуальность каждого писателя по отдельности, всегда индивидуальный вопрос, целая наука, но я здесь по-другому поводу. Оценивая себя лично, могу сказать, что я не работник искусства, и его особый ценитель. Я дипломат. Своего рода посыльный.

– Значит, вы посланы лишь заключить договор о дальнейшем сотрудничестве?

– Да, сразу хочу заметить – многие издательства теперь будут готовы побороться за вашу книгу, но прошу обратить внимание, что мы как-никак всё же первыми заинтересовались ей, и уже сейчас готовы предоставить вам все условия для дальнейшей работы.

– Ну естественно вы первые, я же вам и отправлял. И разве у меня есть выбор? Хотя я бы мог счесть оскорблением, что ко мне приехал не сам директор вашей конторы, но поведу себя скромно, так уж я воспитан.

– Когда вам было бы удобнее встретиться вновь, чтобы точнее обсудить условия договора.

– Мне кажется, мы можем заключить его и здесь.

Лаврентий Мефодьевич достал из портфеля два новых бланка, уже заверенных печатью и вписанными Славиными паспортными данными.

– Вот, можете внимательно прочесть, и можем заверить моей и вашей подписью, – сказал он, вложив бланки в его руку.

– И уже мои паспортные данные раздобыли? – удивился Слава.

– Их мы взяли из приложения отправленной вами книги.

Вячеслав принялся внимательно изучать договор, получая необходимые разъяснения касательно некоторых, весьма сложных для понимания, аспектов, включая материальное обеспечение до получения самой первой выплаты от издания. Через десять минут, Слава молча поставил свои подпи-

си, и отдав оба бланка Гришину обратно сказал:

– Ну, в общем, меня всё устраивает.

– Хорошо, это ваш экземпляр, – сказал Лаврентий, расписавшись на обоих бланках, отдав ему один, – и кстати, ещё вопрос, вы всё ещё работаете там?

– В том магазине? К счастью уже нет. За неделю до аварии я подал на увольнение, а так как лежу я здесь уже две недели, получается я уже неделю как безработный.

– Ну и славненько. И всё же, как я вам завидую. Что вас ждёт, светское общество, слава, какие никакие деньги. Хотел бы я тоже писать, да сочинять, не умею. Моё дело, вон, лишь договоры и переговоры. Ну, как говорится – каждому своё.

– Не прав вы, сочинять все умеют, а вот взять себя в руки, и написать, да так написать, что половина тебе в ножки поклонится, а другая половина камнями забьёт, действительно не каждый может.

– А вам, что, кланялись?

– Не кланялись, и не надо мне кланяться, потому что не придумал я ничего, я лишь правду написал, не испугался, пускай хоть родные души забьют, не испугался, написал.

– Ладно, засиделся я с вами, – сказал Лаврентий Мефодьевич, вставая со стула, – руки жать, пожалуй, не будем, сами понимаете – пандемия. Контакты ваши у нас есть, так что ждите, в течении месяца, мы вызовем вас в Москву. На билеты и проживание, мы вам предоставив. Ну, как говорится, честь имею, выздоравливайте! – попрощался он, и покинул

палату.

После ухода Гришина, Слава вновь уселся на кровать, уже полностью погруженный в размышления, и догадки. Но подумать подольше ему не удалось, так как время поджимало. Он лишь встал со своей кровати, и подошёл к распахнутому окну, всё также пышущему летним зноем.

Глава 5. «Вопрос чести»

– Чё молчишь? – спросил Славу отец, когда уже они отъехали от больницы.

– А что мне говорить? – спросил Слава в ответ, уставившись в боковое зеркало.

– Ну не знаю, может, хочешь рассказать, как всё было.

– А ты мне пап скажи, тебе какая разница? – сказал он, развернувшись к нему.

– Сам не знаю. Может, я не просто ожидал, что такое когда-нибудь случится. И пресса, чё ты её так боишься, ведь это было...

– Было, да было, было и прошло, – перебил его Слава, – и не нужна мне не пресса, не знаменитость какая-либо. Я человек чести, а не честолюбия, и что сделал, то сделал, и любить меня и уважать за это не надо. Не хочу, не хочу чтобы из-за того что я герой, спас там кого-то, я был кому-то важен, и нужен. Мне нужно, чтобы какой я сам, сам по себе, изнутри, в душе, за это меня полюбили, за то, что я просто есть, какой я прекрасный без всех этих поступков и подвигов. Ни за что, чтобы просто поняли меня, и всё.

– И кто ж тебя таким полюбит? Лишь друзья, и то вряд ли.

– Вот именно, лишь они мне сейчас нужны, как никогда. И всё же уже кто-то узнал, и увидел во мне хорошего человека лишь с этой стороны.

– Кто?

– Неважно.

– А ребята, как думаешь, уже знают?

– А что ребята, где эти ребята? Все вокруг заняты, один туда, другой оттуда, друзья называются. Главное и к себе не пригласишь, и к ним не напросишься. Наверное, где-нибудь тусуются без меня, а спросишь их: «Может, соберёмся? Или, если что меня зовите», а они тебе типа такого: «Ой, всё некогда, да и пандемия же щас, куда собрался братец, лучше дома сиди, без тебя проживём».

– Прямо так?

– Нет конечно, кто так скажет, но уж лучше б так сказали, чем отговорки пускать из вежливости.

– Так значит раздружились?

– Можно и так сказать, и главное кто виноват, жизнь наверное. Теперь уж всё, лишь друзья прошедшего детства, не друзья жизни... Эх, впрочем посмотрим, посмотрим, жизнь длинная, главное Господь со мной, и семья моя.

– Да, это главное, – согласился с ним отец, и замолчал.

Через десять минут, они заехали во двор п-образного многоэтажного дома.

– А зачем мы сюда приехали? – спросил Слава.

– Ах да, забыл сказать, мама просила к тёте Зине за шторами заехать, сбегашь?

– Сбегаяю, какая там у неё квартира?

– Пятьдесят четвёртая.

Слава вышел из автомобиля, и пошёл к второму подъезду. Проходя рядом с первым подъездом, он увидел небольшую грудку коробок с чьими-то вещами. Немного замедлив шаг, он подошёл к коробкам поближе, как вдруг из подъезда вышла Эльвира, его давняя знакомая, вроде как одноклассница какой-то давно забытой подруги.

– О, Эльвира, привет! – поприветствовал он её тут же.

– О, привет Славик, ты чего здесь?

– Да вот, к тетё за шторами отправили сходить, она тоже тут живёт.

– Ну понятно, а я вот со своей съёмной квартиры съехала, к родителям вернуться решила, так сказать, начала жизнь с нового листа.

– А что такого у тебя случилось?

– Да, ничего, если уж ты не в курсе, значит и не надо тебе это знать.

– Ну ладно, – сказал Слава, пожав плечами, – Помочь?

– Давай, если не торопишься, мне хотя бы их в подъезд затащить, а дальше я сама, – ответила она, любезно, принявшись вместе со Славой перетаскивать коробки в подъезд.

– Ну ты где там, скоро, нет? – окликнул Славу отец.

– Щас пап, я тут знакомой помогу, вещи перенести.

– Ладно, – ответил отец негромко, уставившись в экран своего телефона.

Когда Слава взял в руки последнюю коробку, отделанную как-то по особому, украшенную блёсками и цветным карто-

ном, и бравым шагом направился в придерживаемую Эльвирой дверь, за его спиной проехался легковой автомобиль светлого цвета. Всё ближе подходя к двери подъезда, Слава вдруг почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд, видимо исходящий из того самого автомобиля. Когда он наконец донёс коробку до первого этажа, и поставил её на место, то Слава тут же очень резко выбежал из подъезда, чуть ли не выбив дверь ногой. Но того автомобиля, на улице уже не было, тот бесследно скрылся за углом проулка. Эльвира медленно вышла к Славе, и очень удивлённо спросила:

– Чё это ты так бегаешь?

– Да ни чё, знаешь, может показаться паранойей, но мне кажется, что кто-то следил за мной.

– С чего бы это вдруг? Тем более, за тобой, кому ты сдался?

– Ну заешь что, как ты сама сказала, причина есть, и если уж ты не в курсе, то и не надо тебе это знать. Хотя может ты и права. Ладно, пойду я.

– Угу, спасибо за помощь, – поблагодарила его Эльвира, по-дружески обняв на прощание.

Глава 6. «Кот в мешке»

Немного пройдясь по знойному лесу, и помочив свои ножки в водохранилище, группа молодых людей, вышла на центральный сквер парка «им. Тридцати лет Победы», что ещё как-то оттенял безжалостно палящее солнце своими высокими деревьями, растущими вдоль всёй центральной дорожки. Ребят было немного: Виктория, Владимир, Павлик, Гарик и Роза. Подходя к пешеходному переходу, представляющему собой встроенную, под пересекающую парк проезжую часть, арку, ребята заметили идущего в их сторону Толю. Тот не был их другом, а лишь чьим-то давним товарищем. Подойдя поближе, он радостно поприветствовал каждого из них, и уже все вместе они направились в арку.

– А что ты такой весёлый? – спросила у него Роза.

– Честно говоря, веселье моё, дало о себе знать, лишь из-за встречи с вами.

– Хм? – шмыгнула Вика себе под нос, как бы выказав своё милое удивление, и широко раскрыв глаза, уставилась слушать.

– Мне вот одно не понятно, – продолжил Толя свою мысль, как бы провокационно, – вы же вроде христиане, как мне известно?

– Вроде так, – ответил Вова очень просто.

– Так вот понять я этого то и не могу, как же вы тогда по

шло... – немного запнулся он, – извиняюсь, за выражения, по проституткам ходите?

– По каким проституткам, ты о чём вообще? – спросил тут же Гарик, опешив, как и все остальные.

– А вот, о таких. Видал я вашего дружка на днях, Слава вроде, как его там... – протянул он, пытаясь вспомнить фамилию, – Малый! Еду я на днях в такси значит, домой, ну знамо дело. И вижу, как он с какой-то красочной коробкой, заходит в подъезд вместе с Эльвирой. Я её знаю, это одноклассница моей бывшей, и как ещё мне известно, сушая проститутка.

– Да не может этого быть, – возразила Роза, что вовсе было неожиданно с её стороны, так как она была слишком скромной, даже очень скромной девушкой, чей голос почти не был слышан, даже когда собиралась довольно шумная компания.

– А ты точно уверен, что это был Слава? – как-то по блавному спросил его Вова, как раз в тот момент, когда они подошли к концу коридора пешеходного перехода, – хотя я не сомневаюсь, не то чтобы могу утверждать, давно о нём ничего не слышно, куда угодно мог вляпаться.

– Да точно он, клянусь вам, – продолжил Толя свой рассказ, – я, конечно, не знаю, для каких целей он к ней намылился. И что в коробке было, тоже не знаю. Знаю только, что видел их вдвоём.

– То есть, то, что он приходил к ней, как к проститутке, только вилами по воде писано? – спросил Гарик, очень на-

пряжённо, чуть ли не лопааясь от злости.

– Ну не знаю, – опешил Толик, – нет, я честно не знаю, было ли что, или ещё будет. Просто, раз уж с вами встретился, решил поделиться увиденным. Вы может сами там с ним разберётесь, что к чему и как, дело, в общем-то не моё, просто переживаю.

– За кого ты переживаешь, какое твоё дело, кто ходит по проституткам, а кто не ходит? – спросила Поля.

– Дело не моё, просто вы же сами говорите, – ответил он наигранно, – типа: «Мы такие правильные, до свадьбы ни-ни, ни-ни, терпилы, верующие, и бла-бла-бла». Вот я и хочу понять, Слава то, что, уже не с вами?

– Почему не с нами, ещё как с нами, просто... – замялась Вика.

– Что просто? – косо и очень удивлённо посмотрев на Вика, спросил Толя.

– Да не твоё собачье дело, – резко бросил ему Вова, – реально, мы с ним уже может с полгода, не виделись, по разным причинам. Тем более если ты сам говоришь, что ничего толком не видел, значит, и предъявить ему ни чё не можешь, как и нам в том числе!

– Ну как знаете, я реально думал, вы в курсе. Совесть моя чиста, теперь сами с ним разбирайтесь, надеюсь лишь на лучшее. Хотя, что для него лучше, знает наверно только он сам.

Толя любезно попрощался, и пожав на прощанье руки, устремился обратно через переход. Солнце стало потихоньку

клониться к закату, и жар медленно начал спадать. А между тем товарищи продолжали свой путь в сторону смотровой башни, идя, не молча, и даже не разговаривая, а горячо споря о разгоревшейся, и полностью пропитавшей их умы, теме. И лишь Роза, в силу своей закрепощённости, вновь молчала, лишь иногда кивая головой, и тихо, почти не слышно, поддакивая всем подряд.

Глава 7. «Предательство»

«И самое ужасное, что я напросился, – думал Слава, идя в гости, в квартиру Анисимовых, – Эти полгода, жалкие полгода, я будто бы навсегда потерял связь со своими друзьями. Меня будто оставили, предали, бросили погибать. Ну да, люди верующие, люди культурные, но всё же, как оказывается не чем не лучше других, кроме определённых аспектов, о которых даже и не думается в такие моменты. Полгода, я будто бы озверел в четырёх стенах своего дома, и семи фонарях своего района. Меня никто не приглашал, никто не вспоминал, будто я и не друг им больше. Хоть через Розу добился хоть какой-то связи с обществом, как мне кажется давно забившим на меня. Да, я не умею играть на гитаре. Да, моё творчество своеобразно, тайно, и под псевдонимом. Но в этом то и есть вся моя суть. Я ведь хочу, чтобы меня полюбили лишь за то, что я есть, за то, что я существую, за то, что я свой. Я не прошу меня любить, я прошу лишь понять, принять таким, какой я есть, и тогда, только тогда, я пожалуй смогу раскрыть, кто я и что я могу. А пока всё так сложно». Мысли так и кружились в его голове, плотно прижимаемые жарой палящего солнца.

Тем временем в квартире Анисимовых все уже были в сборе. Жаркие споры, утверждения, и яркие краски чьих-то рассказов, только и твердили в этот вечер о Славе, и его гро-

тесном походе.

– Как же он меня достал вообще, – сев рядом с Викой, сказал Вова, – представляешь себе, пишет мне на днях: «Чёт давно не виделись, если движ какой будет, ты меня зови если чёт». Я вот не понимаю, чё он думает, отрастил бородку как у князя Мышкина, самый умный теперь?

– Да когда он тебя достать успел, раз в году видитесь, всего два сообщения написал, и уже достал как чёрт? – спросила его Вика, попивая свой вишнёвый сок.

– Да я не об этом. Я о том, что он главное где-то там бес-пределит, и ещё имеет совесть проситься в наше общество.

– Да с чего ты взял? Ещё же ничего не доказано!

– Как не доказано, когда человек со стороны, можно сказать, поведал, а ведь как говорить: «Всё тайное когда-нибудь станет явным».

– Да в том то и дело, что ничего явного здесь нет.

– Ой, ну ты то Викусь не лезь, а. Ты как всегда всех оправдываешь, а потом... – сказал он, махнув на неё рукой.

– Что потом? – спросила она удивлённо.

– Ничего особенного, – слегка огрызнулся он, – просто потом оказывается, что я был прав.

– И что? Ты очень этим доволен теперь? Что изменилось? Ты что-то на этом заработал, или укрепил с кем-то свои дружеские отношения? Нет! Ты просто оказался прав! Вот именно, из-за таких как ты, на нас бывают и смотрят как на ненормальных. Ведь вроде всё, вопрос закрыт, и решения

больше не требует. И ведь надо же ему вновь, всё там разворошить, расковырять, и доказать, что он был прав, из-за пяти деревянных рублей.

– Да что вы на меня напали, – возмутился он, ерзая на своём месте, – мы вообще сейчас про Славу говорим. И причём о вещах серьёзных, а не о том, что было когда-то давным-давно.

Ясно поняв, что разговор с Вовой на этом закончен, Вика лишь пожала плечами, и посмотрев на него, выражением лица, наглядно говорившим ему, о том, что тот выставил себя перед ней полным идиотом, пересела от него подальше. А Слава тем временем подошёл к подъезду, и еле успел заскочить в почти захлопнувшуюся дверь, открытую вышедшим из подъезда жильцом. Поднявшись на лифте, и подойдя к нужной двери, Слава медленно согнул ладонь своей правой руки в кулак, и аккуратно направил на кнопочку звонка костяшку своего согнутого мизинца.

Глава 8. «Святое молчание»

Весь перемотанный, с марлевой повязкой, туго наложенной вокруг лба, Слава уже лежал в палате. Смотри в потолок поблѣкшим взглядом, с хмурыми, слегка сдвинутыми бровями, вспоминал он о вчерашнем. То, что произошло совсем недавно, и разделялось лишь временным отрезком, равным ночи. В лицо так и летели носы и подошвы свежей, почти не испачканной обуви. По телу пробежали мурашки, будто холодная кровь так и плескалась из ещё не зажитых ран.

– Итак, молодой человек, я спрашиваю вас ещё раз, кто же это так вас избил? – спросил его участковый, нервно расхаживающий по палате, на что Слава молчал, всё также мирно разглядывая потолок.

– Понятно, – заключил участковый, резко подойдя к его койке, и сев на стул рядом, – пятидесяти первостатейный значит, да, как и дружки наверно ваши.

– Хм! – мыкнул он в ответ, очень слабо пожав плечами, что всё также болели.

– Я всё понимаю, но вы меня тоже поймите. Это моя работа, и я отношусь к ней с полной ответственностью. И что ж вы думаете, с таким отношением к работе, имею ли я право, допускать такой беспредел. Ну не молчите, я вас прошу. Или может быть вас ваши друзья и отбुцкали?

– Хм, друзья, – проямлил Слава, больно усмехнувшись.

– Неужели? – поразился участковый, – тогда понятно, почему вы молчите. Ладно хрен с этим делом. Скажи хоть за что? Чтоб хоть по-человечески тебя понять, за что?

Слава немного покрутил головой, смотря по сторонам, будто ища глазами какой-то важный предмет, без которого он просто не может вымолвить и слова. Даже на секунду показалось, что он пьян.

– Клевета! – тихо, предельно ясно и скромно ответил он, ровно зафиксировав свою голову на выпрямленной шее.

– Клевета? На вас? – удивлённо, будто бы поразившись до самой глубины души, спросил участковый.

– Да, мне не поверили, а всё клевета, отравляющая и разъедающая светлые души, и чистые сердца. Вот и не поверили мне, из-за чего и случилось следующее, – сказал он, не отрывая своего взгляда, направленного в пустоту, после чего над ними опять повисло молчание.

Через полторы минуты участковый встал со своего места, вновь обратившись к Славе:

– Знаете что, подумайте. Еще раз подумайте, прежде чем прикрывать этих людей. И быть вам мучеником ни к чему, ни кому это не надо, и вам тоже. Так что давайте так договоримся, я даю вам два дня. И если на третий день вы не приходите ко мне с заявлением, или не посылаете вместо себя кого-нибудь ещё, я закрываю это дело. Хорошо?

– Этим людям судья – Бог! И мне их не жалко, я не должен их жалеть, и не мне их судить. Так что пускай всё останется

между нами.

– Хорошо, я не буду настаивать. В любом случае, готов вам помочь. По вам видно, точнее возможно лишь я это вижу, вы человек особенный. Кто-то бы прозвал вас гением, но в нашем мире, таких как вы, воспринимают как безумцев.

– Хорошо, спасибо!

– Выздоровливайте, – сказал участковый, аккуратно пожав руку Славы на прощанье, и вышел из палаты, столкнувшись в дверях с Гришиным, в свою очередь летящим на полных парах.

– Что случилось? – спросил Гришин, уже медленно пройдя в палату.

– Ничего страшного, небольшое ЧП.

– Опять?

– Что вам? – спросил Слава, полностью поменяв тему.

– Я по поводу поездки, она назначена уже на следующую пятницу, как вы...

– Я нормально!

– Но ваша губа?

– К понедельнику заживёт.

– Хорошо, я так понимаю, мне не стоит спрашивать, что случилось?

– Не стоит, ничего особенного.

– Ну ладно тогда Вячеслав Александрович, я тогда пожалуй пойду. Созвонюсь с вами в понедельник, выздоровливайте.

– До понедельника, – сказал Вячеслав на прощанье, после чего Гришин ушёл.

Глава 9. «Эх, Глаша»

Уже через пару дней Слава пошёл на поправку, и по собственной просьбе был выписан. Пока он ждал своего последнего осмотра, в его голову лезли одни и те же мысли.

«М-да, и главное никто, никто, абсолютно никто, кроме родителей, брата, и дяди с тётёй ко мне не приехали, и не посетили. Ладно те, кто бил, но хотя бы те, кто был тогда, там, за углом. Или другие девчата, которых вовсе не было в тот день с нами. Может просто никто не знает, может им стыдно? Не знаю, теперь я знаю лишь одно – Господь со мной. Он всегда со мной. Когда мне плохо, и я не могу поделиться этим с другими, он утешит. Когда хорошо, разделит и умножит мою радость».

В палате, где лежал Вячеслав, лечились ещё двое ребят. Одним из них оказался Костя – младший брат Славиной одноклассницы Глаши. Та была настоящая, не то слово «Глафира», всегда бодрая и хорошо сложенная девушка, с длинными светлыми волосами, подобными спелым росткам самой лучшей пшеницы, и с голубыми, как яркое летнее небо, глазами. Личико её, с тем самым, свойственным только ей, курносым носиком, напоминало милого котёнка, и при всей одновременно простой и необычной строгостью в движениях презентовало её как неизмеримо очаровательную особу.

Пред тем как Слава начал собирать свои вещи, к нему по-

дошёл Костя, попросив отнести ему домой Глашино зарядное устройство, которое она забыла, навещая его этим же утром. Слава долго не соглашался, придумывая самые отличные отговорки, не желая даже думать о встрече с ней.

После долгих уговоров, Костя вдруг странно, очень странно взглянул на Славу, легонько взмахнув ресницами. Сам Костя тоже был очень милым и смазливым мальчиком, что даже с первого взгляда, может где-то издалека, мог быть принят за девочку с короткой стрижкой.

– Ну будь другом, прошу, – взмолил Костик, выказав на Славу всю свою милоту, от чего тому даже стало не по себе.

– Ладно, чёрт с тобой, только не смотри на меня так, – согласился Слава, косясь, и лишь думая про себя, – отдам я ей эту зарядку с порога, и сразу уйду, и на секунду не задержусь.

– Спасибо, – всё также мило сказал Костик, с интонацией мультяшного мальчика, неаккуратно всучив Славе ту самую зарядку.

– Ты только вот что мне скажи, – спросил Слава Костю, продолжая собираться, – коли ты такой миляш, у тебя надеюсь всё в порядке? Ну, ты понял, о чём я.

– А, ты на счёт этого, – сказал Костик, проведя рукой по своему лицу, – всё в порядке, не бойся, уродился я таким. А так-то я нормальный, и девчонка у меня имеется, и косметикой пользуюсь только мужской.

– Весомое уточнение, – усмехнулся Слава, переглянувшись с третьим соседом по палате.

Попрощавшись с врачом и соседями по палате, Слава вышел на улицу, встретив, к своему удивлению, довольно прохладный день, с мокрым от утреннего дождя асфальтом.

Приехав в свой район на маршрутке, Слава побрёл в сторону Глашиного дома. Облупленные двухэтажки, соседствующие с частным сектором, стояли на своих местах, хмуро отбрасывая длинную тень на собственные подъезды. Пройдя по всё той же очень ровной асфальтированной дороге, на которой Славе удалось побывать лишь раз, когда он проезжал здесь на велосипеде, он был на месте. Нажав на домофоне необходимый номер квартиры, Слава замер на месте. Лишь спустя шесть или семь проигрыша гудка, Глаша наконец сняла трубку.

– Да, – стрельнул молнией, прямо ему в лоб, её голос.

– Зарядка пришла, – сказал Слава так, чтобы Глаша ни за что не узнала бы его голос.

– Какая зарядка? А, Слава, это ты, заходи, второй этаж, справа, – весело сказала она, будто она командующая женской гвардией, одетая в высокий кивер и гусарское одеяние.

– Эх, – выдохнул он тяжело, зайдя в подъезд, медленно забираясь по ступенькам.

Дверь отворилась только, когда Слава подошёл к ней вплотную. Тут же перед ним предстала Глаша, одетая в розовый топик, и чёрные лосины. Она вышла немного вперёд, и облокотившись об дверь, перевалила свои длинные волосы, на пышную грудь.

– Вот, – сухо, даже как-то нагло, бросил ей Слава, протянув зарядку, держа во второй руке сумку.

– Так вот как значит, не здрасте тебе, не до свидания?

– Да, так как-то.

– Ну что уж как не родные? – дружелюбно заметила Глаша, пытаясь легонько приобнять Славу, на что тот лишь отодвинул её за плечо.

– Не чужие, но и не родные, – сказал он, бросив взгляд в потолок.

– Что уж, не зайдёшь даже? Всё-таки проделал такой путь.

– Да что там, это твой братан-братишка меня уговорил, взглянул на меня этим своим, мармеладовым взглядом.

– Да он у меня такой, – сказала Глаша, потянув его в квартиру, продев провод зарядки через ручки сумки, от чего Слава потерял равновесие, и немного запнувшись об порог, оказался в её квартире.

Слава тут же осознал, что теперь уже поздно что-либо менять, так как он был уже внутри.

– Ты проходи, хоть Расскажи, чем живёшь, интересно же.

– Да уж, очень уж интересно, – подумал он вслух, последовав за Глашей на кухню, оставив свою сумку в прихожей.

Само пребывание здесь, было ему противно. Он будто бы чувствовал, что Глаша везде и вокруг. Будто бы множество копий её тела устилают пол, стены, даже потолок. Будто бы её стало так много, что эти воображаемые Глаши заняли всё пространство, и давили на него всем, чем он только сопри-

касался с ними, продвигаясь в сторону кухни, от чего даже нечем было дышать. Но чувство это тут же прошло, когда Слава наконец зашёл на кухню, застав там Глашу, облокотившуюся об подоконник, всей своей подтянутой изящной фигурой. Она мирно попивала кофе из маленькой беленькой кофейной чашечки, с нарисованными на ней маленькими чёрными кошечками.

– Я то, так себе, много плюсов, не меньше минусов. А ты то, как? – спросил её Слава, облокотившись об косяк кухонной двери.

– Нормально!

– Значит плохо.

– Почему же?

– Потому что и я нормально.

– Ну, значит, тому и быть, – грустно вздохнула Глаша, – а как с подружками у тебя дела?

– Хм, – ухмыльнулся Слава, выдохнув носом, – и сразу об этом? Не буду говорить, о том, что вы сговорились, лишь потому что меня не часто спрашивают об этом в последнее время. А если честно, всё сложно.

– А у меня – дрогнула Глаша, поставив чашечку в блюдце, лежащее на столе, и прикрыло лицо рукой, – тоже всё сложно.

– Ну, а как может быть по-другому то.

– Ты о чём.

– Ну не знаю, я не в курсе, что у тебя сейчас.

– А значит, когда-то тогда ты был в курсе.

– Тогда, – задумался Слава, – может быть. Знаю лишь что тот Мухамедяров, с которым ты встречалась в девятом классе, бросил тебя ради той, из восьмого, что была моложе тебя всего на год.

– И что теперь? – развернулась она к нему.

– Ничего, ничего, – начал оправдываться Слава, размахивая руками, – это вовсе не моё дело. Я всей душой желаю тебе счастья, только без меня!

– В каком смысле?

– В прямом! Я хочу, чтобы ты была счастлива, любила и была любима. Но чтобы я об этом касаемо тебя ничего не знал, и даже не задумывался.

– А то, как моя лучшая подруга увела у меня моего последнего парня, тебе тоже знать не надо? – крикнула она, разрыдавшись.

– Ну что ты Глашенька, – стало ему её немного жаль, – не плачь, а если уж надо, то лучше поплачь, легче будет, сама знаешь.

– Знаю, да, знаю, и что, что с того то? Что изменится, – продолжала она кричать, потихоньку успокаиваясь.

– Эх вы, как всё непросто. Как говорилось где-то: «Однажды твой лучший друг убьёт тебя», а у нас: «Однажды твоя лучшая подруга уведёт твоего парня», – сказал он, внимательно всматриваясь, успокоилась она или ещё нет, – успокоилась?

– Да.

– Я вот...

– А ты ведь любил меня? – перебил она Славу.

– Что?

– Любил, я знаю.

– Не говори ерунды.

– Мы с девчонками поняли это сразу. Ты дрожал при моём появлении, ты не мог смотреть мне в глаза, и даже разговаривать со мной.

Слава немного потупил голову, и присев на стул, полностью откинувшись на его спинку, ответил:

– И что? Даже если и есть процент того, что это сушая правда, это всё пережиток прошлого, пустяк, – сказал он, махнув задней стороной ладной в сторону.

Глаша вдруг, не спустя и мгновения, подошла к нему, и поставив свою ногу на стул прямо между Славиных колен, облокотилась об неё руками, и приблизилась к нему своим лицом.

– И что ничего нельзя...

– Ничего нельзя, – перебил он её, вскочив, и немного оттолкнув от себя, – не вернуть, не навернуть, всё в прошлом, и мне...

Не успел он договорить, как Глаша резко обняла его, обвив ногами и руками, прижавшись своей щекой к его уху.

– Мне противно, – взбунтовался Слава, пытаясь освободиться от её хватки, что становилась всё интимней и крепче,

пока они оба не рухнули на пол.

– Знаешь что? – немного освободившись с помощью падения, и схватив Глашу за скулы, прорычал он, – иди к своему Мухамедярову, раз ты ушла с ним, раз тебе нужен был он, а не я.

Глаша вновь расплакалась, но будто бы не от душевной боли, а как плачет невеста, от испытания первой брачной любви. Она совсем не перестала бороться со Славой, у которого всё никак не получалось от неё отделаться. Казалось, когда он освобождался от её рук, его тут же обвивали её ноги, а когда он освобождался от её ног, то тут же оказывался в плену её рук, и так было по кругу. Наконец Слава схватил её за голову, очень аккуратно, можно сказать, даже нежно, саданул её затылком об пол, из-за чего её хватку тут же ослабла. Получив некоторую свободу, он оказался в невесомости, и сию же секунду повалился своим лицом и руками на Глашену грудь. Чувство противного смешалось с инстинктивным, но ещё работающий разум Славы заставил его высунуть ноги из Глашиного капкана, и отринуть в сторону. Глаша лежала неподвижно. Она была жива, и с ней всё было в порядке. Она просто была повержена.

– Бить женщин, как можно? – простонала она, смотря в потолок.

– Ты не женщина, ты демон, нет, падший ангел, – промямлил он, запыхаясь, поползя в сторону коридора.

– Стой! – как будто моля, полностью повержено, прокри-

чала она, схватив с края столешницы канцелярский нож, набросившись с ним на Славу.

Слава, пытающийся в этот самый момент встать, резко развернулся в её сторону, из-за чего она тут же ранила его в руку. Острый край ножа на пол сантиметра вошёл в его левую ладонь между костяшками среднего и безымянного пальцев. Это то, наверное, и было самым страшным. Слава не почувствовал невыносимой боли. Кровь его капала на пол. И лишь смотрящие друг на друга взгляды Славы и Глаши, наполненные полным шоком недопонимания, сотрясали тишину своей хрустальной динамикой.

Слава отодвинул свою руку, тем самым вынув окровавленный кончик ножа, что всё также, не переставая, замерев на своём месте, держала Глаша. Он с ужасом посмотрел на свою руку, расправив её прямо перед лицом Глаши, после чего резко встал и обмотал свою руку бинтом, лежащим на той же столешнице. Сходив за своей сумкой в прихожую, Слава подошёл к ней, и слегка приподняв за плечо, сказал:

– Не надо, прошу тебя, не надо. Всё ещё буде, всё. Извини меня, но прощай.

После чего он резко развернулся, и быстрым шагом покинул квартиру, громко захлопнув за собой дверь, от чего Глаша невольно вздрогнула, всё также сидя на коленях, и теперь уже в обеих руках держа свой окровавленный нож, с которого всё ещё капала свежая кровь.

– Ну почему? – тихо спросила она, продолжив плакать,

уоставившись в пустоту.

Одна из её слёз случайно упала на лезвие, перемешавшись с кровью, и уже одной целой каплей рухнула на пол.

Глава 10. «Завещание»

Ужасное и навязчивое чувство преследовало Славу по дороге домой. И как раз, за десять минут до Славиного прихода, в его комнату зашёл Вова.

– Не волнуйтесь Антонина Матвеевна, я лишь заберу свои гири. Так уж вышло, одолжил больше года назад, а сейчас вдруг срочно взяли, да понадобились.

– Ну хорошо, забирай, раз уж они твои, но может всё-таки дождался бы Славу, он вроде скоро придёт, а то я даже и не знаю, где они лежат.

– Да нет, тороплюсь, тем более, чё бы он их прятал? – Сказал он, разглядывая Славину комнату, почти такую же, как и тогда, когда он бывал здесь год назад.

Всё тот же диван-кровать, шкаф для одежды и других вещей, старый советский стул, задвинутый в письменный стол, заставленный несколькими стопками разнообразных пронумерованных авторучкой тетрадей.

– Вот же они, – сказал Славина мама, показав на левую ножку письменного стола, рядом с которой и лежали гири.

– Ах да, вот же они, – ответил Вова, медленно потянувшись за гирями, заметив довольно приметную синюю коробку, стоящую в боковом отделении стола.

– Может, всё-таки дождёшься его? – спросила она, устремившись на кухню.

– Нет, я потом ему позвоню, – пробормотал он, судорожно открыв коробку, в которой оказались Славины документы.

Но вовсе не документы заинтересовали его, а лишь единственный конверт, по непонятным причинам, оказавшийся на самом верху кучи различных справок и папок файл наполненных конторскими бумажками. На конверте было размашисто написано: «Завещание. Открывать, только если я умер. Малых Вячеслав Александрович. 06.04.2020». В низу надписи расположился Славин автограф, состоящий из размашистой «П», и встроенной в неё «В».

– То, что нужно, – прошептал Вова, пришедший не только за гириями, а в основном для того, чтобы раздобыть что-нибудь, что могло бы дискредитировать Славу.

– Ну что ты там, взял гири? Будешь всё-таки ждать Славу, или нет? – спросила его Антонина Матвеевна, вернувшись в Славинову комнату.

– Да нет, мы с ним сегодня ещё увидимся, – ответил он, выпрямившись во весь рост, еле успев спрятать Славино завещание во внутреннем кармане своей ветровки.

Ровно через пять минут после ухода Вовы, домой пришёл Слава. Отобедав, тот принялся пить чай.

– Честно говоря, я не уверена, чтобы ты мог так упасть, – выразила мама своё сомнение.

– Может быть и не мог, но как-то же я повредился.

– Тебя избили!

– Я не хочу об этом говорить.

– Ну почему? Тебя запугали? Что происходит сынок? Кто эти люди, ты их знаешь?

– Думаешь, что если я не сказал об этом участковому, скажу вам с папой?

– Наверно нет. Но ты хотя бы скажи, кто они, какая опасность может грозить тебе вновь?

– Кто они такие? – задумался Слава, – насколько они опасны? Хм, да никто они, и опасности никакой не представляют абсолютно! А кто из них кто, лучше вон, Вову спроси, он их всех знает, не по случайности.

– А, кстати, Вова как раз к нам заходил перед твоим приходом.

– Что? – чуть не подавился чаем Слава.

– Гири свои приходил забрать.

– Ладно, гири, он больше ничего не брал? – взворошился Слава, тут же побежав в свою комнату, перебирая тетради и вещи, проверяя, всё ли на месте.

– А что ещё он мог взять? – удивлённо спросила Мама, подойдя к двери его комнаты.

– Да всё, всё, всё что угодно, – занервничал Слава, не переставая перебирать свои вещи, пока не застыл на месте, держа в руках коробку с документами.

– Что случилось? – изумлённо спросила мама.

– Мама, где завещание? – заорал он, – ты оставляла его одного?

– Да, был момент. Но о чём ты, какое ещё завещание?

– Он, скотина такая, украл моё завещание! – заорал Слава вовсю, опять начав собираться на выход.

– Да какое ещё завещание, в конце концов? – спросила она через закрытую дверь.

– Эх, мама, ты не понимаешь, не знаешь, он и есть... – сказал он, затрудняясь закончить фразу, – не важно, важно другое.

Так и ничего не сказав, Слава выскочил на улицу, наскоро зашнуровав свои туфли, держа пиджак в руках. Он бежал, бежал по знакомой улице, прекрасно зная, куда он бежит, и куда направляется. С таким компроматом, Вова мог пойти лишь на движ к Анисимовым, что как оказывается, был совсем не редким явлением.

Пока Слава лишь подбегал к их многоэтажному дому, в зале квартиры Анисимовых уже озвучивалось Славино завещание. Как обладательница самого красивого голоса, читать была назначена Лера. Быстро пробежав глазами по неровному, размашистому, и просто ужасному почерку, она смиренно принялась читать написанное:

«#На всякий случай.

Завещание.

Я, Малых Вячеслав Александрович, по псевдониму – Понамарёв Вячеслав Александрович, если что-нибудь со мной случится, завещаю всё своё имущество, включая свои архивы (тетради с сюжетами), своим родителям. А также завещаю им свои авторские права на мои литературные произведения

и идеи. А также завещаю 10 % от всех выплат с оставшихся после меня авторских прав, моей дорогой подруге Борменталь Виктории Дмитриевне, что обучалась в Лётно-техническом Колледже Гражданской Авиации им. А.В. Ляпидевского, в 2018 году.

Не поминайте лихом, и пусть Господь благословит вас.
6 апреля. 2020 года. Малых Вячеслав Александрович».

В конце рукописи находилась Славина роспись, точно такая же, как на конверте. Когда Лера только начинала читать завещание, в зале было довольно шумно. Но чем дальше и дальше зачитывались эти, продуманно написанные, слова, тем сильнее тишина окутывала всё вокруг. Под конец и вообще наступила минута молчания. Все бы так и молчали, испытывая на себе нестерпимое давление тишины, пока Вика случайно не уронила свою чайную ложечку в кружку, наполненную уже остывшим чаем.

– погоди, причём тут Вика, что это вообще такое? – ничего не понимая, спросил Илья, подойдя к Лере, и вырвав завещание из её рук.

– Какой ещё Понамарев? Какие ещё авторские права? – воскликнул Вова, после чего все ещё больше всполошились. И лишь Вика, с застывшим лицом, медленно встала со своего места, и как бы немного косясь, попыталась выйти из зала. И лишь Алия, схватившая рукопись в свои руки, подбежала к ней, когда та была уже почти в коридоре.

– Посмотри, ты здесь указана, – показала ей Алия необ-

ходимую строчку в рукописи.

– Да, и что?

– Ну ведь это что-то значит?

– Да? – совсем растеряно спросила она, и с видом, будто вот-вот заплачет, кинулась в свободную комнату, сказав лишь, – я сейчас!

Уже через пару минут в квартире зазвенел домофон.

– Да, – ответила Лиза.

– Здравствуйте, это тридцать четвёртая? – послышался молодой голос, изо всех сил пытающийся казаться взрослым.

– Нет, это девяносто шестая.

– А, да? Вы извините, мне в тридцать четвёртую, у них видимо домофон не работает.

– Вам открыть?

– Да, если можно, спасибо, – произнёс голос, совсем ослабившись, и выдав всю свою поддельность.

Но было уже поздно что либо менять, так как Лиза уже открыла дверь подъезда.

– Спасибо братуха! – сказал Слава, протянув, подговорённому им на это дело пареньку, обещанные две сотни рублей.

Еще через минуту позвонили уже в квартиру. «Интересно, кто это там?», – подумала Лиза, помчавшись к двери. Глазок оказался закрыт какой-то тёмной тканью.

– Кто там? – спросила она, на что ответа не последовало.

«Да что мне будет, если чё, в квартире много друзей», – подумала Лиза, медленно и осторожно приоткрывая дверь.

В следующую же секунду дверь рванула с необычайной силой, что саму Лизу чуть не выбросило на площадку. Перед ней стоял Слава. Хотя он и был одет в классический костюм, вид был у него взлохмаченный.

– Извини Лиз, Вова у вас? – спросил он, пытаясь перевести дух.

– Вова? – максимально ошарашено переспросила она у него.

– Владимир? – чётко, угрожающе выдвинув вперёд нижнюю челюсть, переспросил он.

– А, Вова, да, – заикаясь, ответила Лиза, испытывая самый настоящий страх.

– Я пройду, пожалуй, извиняюсь, что без приглашения, – озвучил ей Слава, и, не разуваясь, зашёл в прихожую.

Ему тут же встретилась Поля, выходящая из кухни. Она хотела поприветствовать её, но тот лишь закрыл кухонную дверь, прямо перед её носом.

Когда створчатые двери зала распахнулись, Слава медленно вошёл в комнату. Все встали со своих мест, будто к ним пожаловал сам судья. Владимир встал из всех последним, держа рукопись дрожащими руками, которую он тут же бросил на ближайший журнальный столик. Напряжённые скулы и слегка поджатые губы, выражали Славин гнев, ненависть и отвращение. Пройдя сквозь всех присутствующих, Слава взял со стола конверт с завещанием, и медленно подошёл к Вова, что просто не мог смотреть ему в глаза.

– Все собрались? – спросил он Вову.

– Все, наверное все, – растеряно ответил тот.

– Ты знаешь, что я должен тебе сказать, – сказал он, складывая заветное в конверт, – но скажу вот что: предатель, меня все предали. Все! Но ты, предал как никто другой, скотина! Ведь синим по белому написано, – повысил он тон, обращаясь уже ко всем, – «Открывать, только если я умер».

Договорив, он резко развернулся и вышел в прихожую, пройдя между Лизой и Полей стоявших в дверях. Отворив входную дверь и дёрнув её от себя, Слава вдруг услышал, как кто-то обратился к нему:

– Слава!

Это был голос Вики. Она вышла из другой комнаты с заплаканным лицом. Слегка потрепанная чёлка и чуть-чуть подтёкшая тушь, делало её беззащитной и неумолимо привлекательной в этот самый момент. Что же касаясь красоты Виктории в общем, то для Вячеслава она всегда была просто «Красивой». Он считал её самой красивой девушкой на земле, на уровне не физическом, не психологическом и даже не симпатическом, а на уровне сакральном. Её красота была для него всем. Поэтому любая другая, даже в миллион раз красивей и милее, не вызывала бы у Славы каких либо подобных чувств, что он испытывал при встрече с Викой. Её милое лицо казалось ему таким родным, но одновременно таким далёким и неприступным, что это сводило его с ума. На её лице иногда появлялись лёгкие прыщички, с которыми

та усердно боролась, но всё же никогда не скрывала, что и нравилось в ней Вячеславу.

– Извини Вик, – ответил он, поспешно бросившись бежать вниз по лестнице, буквально спрыгивая с целого ряда ступень, ведь Вика бежала за ним вслед-вслед, почти не отставая, лишь выкрикивая:

– Подожди, подожди!

Когда Слава выскочил на улицу, больно ударившись об железную подъездную дверь, то тут же заскочил за угол, перепрыгнув встретившийся на пути палисадник. Оказавшись на противоположной стороне дома, Слава случайно споткнулся, упав к входу в цокольный этаж.

Вика, бежавшая всё это время босиком, отстала от него лишь на несколько метров. Она успела увидеть, куда повернул Слава, и добежав до того самого места спустя лишь какие-то несколько секунд, не обнаружила его там. Вика лишь с грустью взглянула вдаль, ища глазами, не прячется ли Слава среди припаркованных машин. Так ничего и не разглядев, она пошла обратно. Слава вот-вот бы мог попасть в поле её бокового зрения, но она была настолько грустна, что совсем и не заметила его.

– Почему, за что ты так со мной? Зачем? – сказала она, уходя всё дальше и дальше.

Когда её шаги наконец стихли, держась за свою ушибленную спину и плечо, Слава, еле шагая, вылез из своего случайного убежища, осторожно оглянулся и медленно побрёл

домой.

– И вправду, за что я так с ней, – думал он, медленно шагая по улице, – я всё время будто бежал от неё, хоть и люблю больше всей своей жизни. Наверное, я боялся навредить, но чем? Вот именно, чем? Я вовсе не плохой человек, но насколько же я стал безумным с этим писательством, а теперь и предательством самых близких мне людей.

Шаги его ускорились, поднимая горячую пыль обожжённой летним зноем дороги. А Слава всё шёл, лишь тихо напевая:

– Моя любовь сошла с ума, зову и не хочу, едва дыша, дышу едва, живу и не живу.

Глава 11. «Гладиатор»

– Вот так вот, – подумал Слава, прислонившись в тенёчке к стене многоэтажного дома, – последний день всё-таки, торчу в своём родном городе. Нет, безусловно, я ещё вернусь, и может даже, ещё буду жить здесь. Но когда, через сколько? Как много неясного и таинственного в моей дальнейшей судьбе. А Вика? Сколько недосказанности, сколько недопонимания и глупой разлуки. Что меня связывает с ней теперь? Завещание? Нет, не думаю. Влюбится в меня лишь из-за того, что я считаю её самым важным человеком в своей жизни? Глупо? Нет, скорее странно. Теперь я уже наверно совсем ничего не понимаю. Я верил, именно верил, что меня полюбят, что меня ждут. А что в итоге. Самообман, вылившийся в ужас. И кто же спасёт меня? Подумает ли она, что мой поступок, то как я поступил с ней, оправдывает эту сплетню. Не верю, я никогда не сомневался в ней. Я мог сомневаться в каждом из них, и мои сомнения во много подтвердились, но в ней никогда! И не важно, любит она меня или нет, всё ли доказано или известно, без неё мне...

Слава помотал головой в знак отрицания, как вдруг через секунду услышал знакомые голоса. К подъезду шли, совсем не заметив Славу, Вика и Вова. Их путь лежал в сторону дома Анисимовых. Вова размахивал руками, пытаясь что-то доказать, очень холодно настроенной по отношению

к нему, Вике. Слава медленно побрёл за ними, пытаясь оказаться не замеченным. Через некоторое время Вова с Викторией остановились возле палисадников, всё также жарко споря.

– И что ты хочешь этим сказать? – очень эмоционально, спросил её Вова.

– Ничего, что тебе стоило бы знать.

– Значит, ты всё-таки в него втюрилась, втрескалась, врезалась?

– Как бы то ни было, это моё личное дело.

– А я тебе на это вот что скажу – раз он, как мы узнали, является тем самым Понамарёвым, у тебя теперь вообще шансов с ним нет.

– О чём это ты.

– О том, о том. Ты думаешь, он написал на тебя своё завещание, потому что любил тебя? Возможно. Но теперь-то он уедет, и найдёт там, в Москве, намного красивее и прелестнее тебя, и забудет о тебе навсегда. Ты для него запасной вариант. Так на всякий случай. Ты думаешь, он вписал тебя в завещание из искренних побуждений. Он сделал это специально, на случай, если он вдруг станет знаменитым, но умрёт от коронавируса. Или наоборот.

– Знаешь, лучше заткнись!

– Нет, я-то могу заткнуться, но правда останется правдой. Ты будешь страдать без него, ждать его из Москвы. И он приедет, только уже с невестой. Ведь мы все предали его, в том числе и ты, не нашедшая в себе силы, выйти тогда из-за угла,

и лечь рядом с ним, под наши пинки.

– И что же ты предлагаешь?

– Останови его! – обезумел Вова, схватив её за плечи, – тебе всего лишь надо проявить к нему чувства, поддельные или искренние, не важно. Главное, только лишь то, чтобы он остался здесь. Ведь если он уедет, он станет известным, богатым, и раз и навсегда забудет про нас, и мы так и останемся никому не нужными прыщами в этом болоте. В этой нищете, понимаешь? – начал он трясти её за плечи.

– Отстань, – оттолкнула она его, – разве это поступок по настоящему любящий...

– Так ты всё-таки его любишь, – перебил её Вова, преисполнившись злости, – а может он и вовсе не к проститутке ходил, а к тебе на самом деле. Так вон от куда ветер дует. И завещание это для тебя не нова? Может стоит рассказать пасторам о ваших с ним недозволенных отношениях?

– Опять хочешь развести сплетню?

– Зачем, я брат, мне больше поверят.

– Да, ты прав, тебе поверят, но только не они.

– Ха, а кто же ещё.

– Какой-нибудь такой же ублюдок, как и ты.

После этих слов Вова презрительно взглянул на Вику. Увидев в её глазах наворачивающиеся слёзы, полные страдания и сожаления о Славе.

– Всё-таки любишь. Дура ты. Скоро и тебя и его...

– А если я расскажу, о том как ты руки распускаешь пе-

ред каждой понравившейся тебе сестрой. Вон, даже Соню, малолетку, и то чуть не облапал, если бы мы рядом вовремя не оказались.

– Ах ты... – проглотил Вова последнее слово, насильно заключив её в свои объятия, принявшись лапать, и пытаюсь схватить за волосы, – дура ты, уродка, всё за дебилом этим бегаешь, чем я хреннее этого урода?

– Отстань, скотина, – прокричала Вика, залепив пощёчину, чуть не поломав ему челюсть, – ублюдок!

Вова тут же ослабил объятия, и уже с отвисшей челюстью, попытался нежно поцеловать её. На что Вика вновь оттолкнула его. Но недолго думая, она внезапно подошла к Вове вплотную, и так толкнула его в живот, что тот тут же упал в палисадник, перемахнув через оградку. Совсем ничего не сказав, Вика развернулась и ушла, пройдясь по тому самому месту, где когда-то лежал Слава.

– Вот сучка, ну смотри у меня, – пробормотал он недовольно, пытаюсь встать с примятых цветов, как вдруг к нему сзади подбежал Слава.

Тот вновь повалил Вову на землю, и схватив того за горло прижал затылком в примятые цветы. Вова лишь покорно расправил свои руки в стороны, и совсем не сопротивляясь, произнёс только одно:

– Ну, лупи.

Слава замер на мгновение, замахнувшись своим незамысловатым кулаком.

– Нет, – сказал он, с ужасом осознав, на кого он теперь похож, – нет, я не такой как вы, и не такой как ты. Я человек, и до такого не опущусь, ни за что!

В следующую же секунду он разжал пальцы на его горле, и встав, отряхнул с себя землю. Вова тут же попытался схватить Славу за ногу, чтобы повалить на землю, но тот ловко увернулся, пнув ему в бочину, от чего тот невольно взвыл.

– Ублюдок, – сорвался Слава на крик, – упал, так лежи, пока живой. Сам же бил, сам же знаешь. Да простит тебя господь.

Вова в ответ лишь как-то хитро взглянул на него, с долей лукавства и злобы, на что Слава больше ничего не сказал, а лишь развернулся, перешагнув оградку палисадника и ушёл всё тем же путём, каким и приходил.

Пройдя два квартала, невероятно быстрым шагом, Слава вдруг почувствовал невыносимую усталость. Её природа была скорее не физическая, а в большей степени душевная. Отсутствие, каких либо светлых мыслей, измотали его до изнеможения. Ближайшая скамья буквально спасла Славу от того чтобы просто упасть на асфальт. Его потупленный взгляд и величайшие сомненья настолько затуманили его сознание, что он даже не заметил как кто-то сел на скамейку рядом с ним.

– Слава, это ты? – прорезался чей-то голос рядом с его ухом.

– Я? – спросил он, повернув голову, увидев перед собой

Анечку, одетую в летний сарафан и с гитарой в руках.

Аня была обычной семнадцатилетней девушкой, дочерью родной сестры маминой подруги. Так уж вышло, что Слава тоже был знаком с ней. Её внешность почти совсем не привлекала его. Худенькая, с слегка кругловатым лицом, и чуть-чуть вздёрнутым курносим носиком. Как в знакомой, его привлекало другое. Её вечным спутником была её акустическая гитара, которую Аня почти всегда носила с собой, в чёрном чехле, на фиолетовой лямке. Славе мало удалось услышать, как она поёт, но всё же в его память врезалось одна Анина особенность. Аня всегда, а точнее почти постоянно, в каких бы гостях не находилась, забывала свой каподастр – специальный зажим для укорачивания звучащей части струн гитары. Видимо она оставляла его там, куда ещё когда-нибудь хотела вернуться, потому что там, где ей было некомфортно, она никогда его не забывала. Когда она пела, даже неважно где и что, её слова, голос, душа, что она вкладывала в свою песнь до конца и без остатка, лились, как широка река, как полноводная Волга, как океан, разливающийся от края и до края, и не имеющий в себе ни конца, ни начала.

– Что-то случилось? – спросил она, наконец.

– Да, привет Ань, – пробормотал Слава.

– Привет, думала, что совсем меня не заметишь.

– А я и не заметил.

– Что-то серьёзное? – спросила она, положив ему на плечо

свою руку.

– Можно и так сказать, – ответил Слава, тихонечко пошевелив плечом, чтобы Аня убрала свою руку.

– Больно значит?

– Ты о чём?

– Да так, просто ты такой, как бы тебе сказать, отрешённый с виду, что мне тебя даже жаль.

– Жаль? – расстроено спросил он, – а я просил меня жалеть? А?

– Нет, не просил.

– Значит и не надо!

– Ты сопротивляешься своей душе, я не знаю, что у тебя случилось, но ты пытаешься не казаться слабым.

– Спасибо Ань, может быть ты и права, – сказал он, почти полностью успокоившись, – скажи, тебе не кажется, что наш разговор бессмыслен, а?

– Как знаешь, я могу не разговаривать с тобой.

– Да нет, я не об этом, ты пытаешься мне помочь, как любому другому человеку, бескорыстно и от души, как это делает врач, считающий свою работу призванием, а мне-то нужно, чтобы меня поняли, понимаешь?

Аня ничего не ответила, а лишь поджала свои губки в знак согласия.

– Давай я лучше тебе спою, – предложила она вдруг.

– Давай, – согласился Слава, с дрожью в голосе.

Аня достала из чехла свою гитару, и сверкнув на солнце

отполированным каподастром заиграла мелодию. Через продолжительное время она запела. Слова были на английском. Слава не мог разобрать перевод, а лишь уловил знакомые на слух слова, такие как – жизнь, любовь, человек, безумный, отважный, счастливый. Песня будто бы была знакома ему, но ничего не напоминала. Сама подача заставляла думать лишь о том, как высоко поёт Аня, как она изливает свою душу, чуть ли не плача, от переполняющей её чувствами песни.

Когда песня подошла к концу, Аня протянул последнюю ноту так длинно, что даже когда гитара заглохла, Славе казалось, что он всё ещё слышит её эхо.

– Ну как? – спросила его Аня шёпотом.

Слава медленно повернулся к ней всем своим туловищем, и не смотря ей в глаза ответил:

– Спасибо Ань, это гениально, я никто, чтобы оценивать.

– Не говори ерунды, – сказала она, пытаясь взглянуть в его глаза, – оценить может каждый, не каждый такое споёт, не каждый такое сделает, не каждый решит жить этим или другим творчеством, и ты это знаешь, наверное.

После этих слов Слава резко взглянул на неё, заподозрив, что она всё знает, но как только их взгляды пересеклись, он ясно понял, что она говорит это искренно.

– Прости Ань, может я и не прав, я много ошибался в своей жизни, понимаешь? Завтра я улетаю в Москву, меня приглашают работать там, скажи мне, как ты думаешь, у меня что-нибудь получится?

– Конечно получится, чем ты хуже других? Только вот куда именно, не скажешь? А то мне интересно.

– Пока не могу, скажу лишь, что всё прилично, и даже более чем чинно. Моё! То, к чему я так стремился, и возможно, получил по сущей случайности.

– Успехов тебе, – сказала Анечка, складывая свою гитару в чехол, – пиши, если тебе что-нибудь будет нужно.

– Хорошо, – сказал Слава, немного потерявшись, – Ань, если я приеду как-нибудь, ты сыграешь мне ещё раз?

– Конечно сыграю, спою, только если ты на самом деле этого захочешь, – сказала она, и встав, ушла, тихо попрощавшись.

«Что же со мной, – подумал Слава, после Аниного ухода, – я люблю Вику, но теперь не могу без Аниных песен. За что, за что жизнь дарует такой разнообразный выбор, в конце которого неизвестно, имею я вообще на него право или нет?»

Глава 12. «Отъезд в неизвестность»

Когда самолёт взлетел, покидая незамысловатый провинциальный аэропорт, на Славу нахлынуло немного волнения. Даже и не волнение в целом, а что-то вроде переживания, испытываемого перед неизвестностью. Откинувшись на сиденье, и повернув голову в сторону окна, Слава, молча смотрел на свой невзрачный город, с каждой секундой всё больше теряющийся в собственном смоге. По прибытию, Славу тут же отвезли в одну из гостиниц среднего класса. Он провёл там около суток, после чего ему позвонили, и вызвали на встречу с назначенным менеджером издательства.

– Ну что, рады? – спросил его менеджер, когда они уже сидели за столиком, в каком-то богатом ресторане.

– Не знаю даже, чему и радоваться?

– Ну что ж вы так?

– А вот так вот, вы вот честно скажите, всё вполне ясно, вопрос с модерацией, пожар, и так далее, но ведь есть ещё причины?

– Да, есть, – скромно ответил менеджер.

– И какие же?

– Не могу вам сказать.

– Но и утаить не получится, так как вы уже заявили о их

существовании.

– Что факт, то факт.

– Тогда я внимательно вас слушаю.

– Обещание за неразглашение брать не буду, просто расскажу, как есть. Ваша книга попала в руки дочери одного из высокопоставленных начальников министерства культуры, и именно благодаря ей, вы здесь.

– Хм, – ухмыльнулся Вячеслав, – и вы думаете, я вам поверю.

– Нет, поэтому я и рассказал вам правду.

– Красивая?

– Кто, правда?

– Да нет, дочь?

– Очень, – сказал он, ненадолго задумавшись, – скажу вам честно, очень! Куколка, эталон великой красоты, я виделся с ней лишь раз, и представьте себе, я до сих пор не верю, что такая красота реальна.

– Голограмма?

– С чего вы взяли?

– Вас обманули, сами знаете, разведут картину на лице, из множества лаков и наложенных ресниц, и всё, красотка!

– Должен, да нет, обязан, не согласится с вами, хоть вы и говорите о том, что сегодня так актуально. Я видел её возле дома её отца. Она совершала пробежку, одетая в чёрные лосины и топик.

– Так!

– Короче говоря, бегала она, и не ресниц накладных, ни макияжа на ней, – сказал он, вздыхая с досадой, – не было. Одним словом – девственная красота.

– Да, на такую девственность, всякий готов наложить свою, – задумчиво улыбнувшись, сказал Слава, – а вы как я вижу, в отличие от всяких влюблены в неё.

– С чего вы взяли? – заволновался менеджер.

– Да ладно тебе Сань, – сменил тему Слава, – не об этом шас. Хотя, давай так, я никому о том, как ты к ней относишься, а ты мне моё дело до конца рассказываешь.

– Хорошо, – ответил Александр, потирая руки от волнения, – дело было так: Девушка эта, дочь того самого высокопоставленного министра, загуляла, очень загуляла. Вроде была она всегда воспитанной и благочестивой девушкой. Но как стала ей восемнадцать, ушла в загул. Конечно же, она не была в нём постоянно, можно сказать, жизнь тогда её была переменна. То гуляет, то займётся спортом, и полезными видами деятельности. И так серединка на половинку, делилась её жизнь. Но вот так вышло, что в последний раз она загуляла так сильно, из-за чего её отец даже сдал её в оздоровительный центр. А дальше что, вернулась, отец запер её дома, и вручил книги номинантов на премию, в том числе и вашу, и наказал всё перечитать, да выбрать победителя. Ну а дальше, наверно всё и так понятно.

– Понятно, всё понятно, мне везёт на горе чужих. Я, как оказывается, иду к своей цели даже не по головам, а по го-

рящим телам. А в чём же вся загвоздка?

– В чём?

– В том, что в этой самой книге, описано множество самых разных архетипов, в том числе и подобный ей. Падшая женщина, будучи когда-то эталоном морали, ищет путь назад, и не найдя его, всё ровно идёт вперёд, строя новую жизнь, намного лучшую самой первой.

– Да, как вы рассказываете, я аж прослезился, – подколот его Саша сарказмом.

Слава немного промолчал, слегка поджав губы в знак недопонимания со стороны Саши, после чего спросил:

– Ну а как ваша, тоже исправилась?

– На пути...

– Может, следует ей помочь?

– К ней не подобраться, да и не поймёт она меня, пожалуй.

– Как же я вас понимаю, не подобраться и не правильно поймёт, как же мне это близко.

– Что-то из вашей новой книги? – уточнил Александр, на что Слава вновь ничего не ответил, а лишь опять улыбнулся, помотав головой в знак отрицания.

– О чём задумался? – наконец спросил Слава, спустя около полутора минуты.

– Знаете, – по-настоящему задумчиво сказал Саша, – вы не такой, каким я вас себе представлял. Я думал, вы приедете, весь такой помпезный, весь такой сам из себя, А вы простой, самый простой, добрый и обычный человек.

– Не забывайте, друг мой, красота в простоте, и ум там же. Мы писаки, всякие бываем, но одно нас связывает наверняка – с головой не всё в порядке. И ведь это многим творческим профессиям присуще, так что советую вам, не стесняйтесь перед вашей страстью, не берите пример с нас, дураков.